

LEGALTECH И ЮРИСТЫ БУДУЩЕГО

Роботизация юридической профессии стала одной из наиболее нашумевших тем за последнее время. Слова президента Сбербанка России Г. Грефа о том, что в результате цифровизации штат крупнейшего банка страны существенно сократится, а часть юридической работы будет выполняться при помощи нейронных сетей, не могли не вызвать тревогу у юристов.

В ноябре вопросы автоматизации юридической деятельности обрели новые очертания: на рассмотрение Правительства выдвинуты предложения о цифровизации законодательной и правоприменительной деятельности путем создания электронных кодексов, генерации типовых судебных решений при помощи искусственного интеллекта и создании автоматизированной системы контроля судебной практики¹.

Действительно ли роботизация в правовой сфере и бурное развитие *LegalTech* способны кардинально сократить число юристов? Как изменится юридическая профессия будущего и какие юридические функции могут быть автоматизированы?

С этими вопросами мы обратились к нашим экспертам.

ИГОРЬ КОНДРАШОВ

вице-президент,
директор правового
департамента
Сбербанка России

— Современные технологии неизбежно ведут к изменению всех сфер жизни человека, не является исключением и деятельность юриста.

Инновационные технологии в профессии юриста позволят прежде всего облегчить его труд, освободить от рутинных процессов и предоставить больше возможностей использовать творческий подход в своей деятельности.

В Сбербанке автоматизация юридической функции — непрерывный процесс. Робот-юрист для нас не далекое будущее, а наступившая реальность. Мы пристально следим за основными российскими и зарубежными технологиями, изучаем самые разные стартапы и сами задаем тенденции в области *LegalTech*.

Освоение современных *IT*-технологий и развитие в этом направлении — залог успеха юриста будущего. У нас уже является обязательным прохождением

¹ См.: Судебный процессор: Правительство обсуждает использование искусственного интеллекта в правовой сфере // Коммерсант. 2017. 13 нояб. URL: <https://kommersant.ru/doc/3466185> (дата обращения: 24.11.2017).

обучения по искусственному интеллекту, *Big Data* и *digital*-навыкам, а некоторые сотрудники правового департамента пошли дальше и уже обучаются программированию на *Python*.

Автоматизация процессов юристов в перспективе позволит повысить качество и профессионализм их услуг, а использование машинного обучения и искусственных нейронных сетей — оптимизировать законодательство в части выявления устаревших и дублирующих норм права, коллизий между ними и спорных формулировок в нормативных актах.

Что же касается функций, которые могут быть автоматизированы, то благодаря современным технологиям в области *LegalTech* автоматизация возможна для большинства юридических процессов. К важнейшим функциям юриста относятся анализ, прогнозирование ситуации и поиск оптимальных решений. И они также могут быть автоматизированы при помощи технологий искусственного интеллекта, который позволит прогнозировать сценарии и исход каждого конкретного дела, подготавливать юридическое заключение или быстро находить нужную информацию.

В 2017 г. наши усилия были направлены на полную автоматизацию процесса подготовки типовых заявлений в суд, от инициирования запроса на взыскание задолженности до подачи документов в суд. Сбербанк инициирует 5–7% от общего объема исков в России, и перед нами стояла задача исключить юристов из всех типовых операций, не требующих профильных знаний. Предпосылкой для этого стал рост числа поданных банком исков: 80% — типовые иски по банковским картам и потребительским кредитам. Мы должны справиться с таким объемом без увеличения численности. Раньше мы сталкивались с проблемой определения подсудности, приходилось отслеживать более 8 тыс. разных источников. Единая база отсутствует и сегодня, но мы нашли решение. Наша технология позволяет без участия человека непрерывно собирать данные о подсудности с сайтов судов, актуализировать и преобразовывать их в единый формат для последующей роботизированной подготовки исков. Для каждой рутинной задачи мы стараемся находить индивидуальное решение и использовать доступные технологии. В результате юрист будет приступать к работе над иском уже на этапе подачи документов в суд, а все предшествующие этапы будут автоматизированы. Скоро сотрудникам Сбербанка будет доступен *Telegram*-бот, с помощью которого можно получить юридическую консультацию самой разной тематики. Сейчас бот активно обучается, и мы задумываемся о его использовании в качестве помощника юриста на разных этапах судебной работы. Он может отслеживать вынесение судебных актов, получать материалы дела, искать судебную практику и многое другое.

Цифровизация коснется правового сопровождения деятельности банка и в части интеллектуальной работы с документами. В 2018 г. мы запустим робота-юриста по подготовке правовых заключений по различным вопросам. Робот будет получать комплект документов на вход, распознавать их и извлекать нужную информацию, готовить юридическое заключение.

АНТОН ИВАНОВ

заведующий кафедрой
гражданского и
предпринимательского
права Национального
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики»,
кандидат юридических
наук

— Сейчас некоторые горячие сторонники цифровизации права стали говорить о его будущем отмирании. Хотелось бы остудить жар их суждений. Право имеет некоторые сущностные свойства, которые не позволяют полностью доверить его создание и применение искусственному интеллекту, т.е. машинам. Периодическое отступление норм права от законов формальной логики — одна из лежащих на поверхности причин, которые препятствуют его цифровизации. Чтобы перевести на компьютерный язык нормы, содержащие многозначные термины, придется делать слишком много оговорок и исключений. Поэтому сначала потребуется изменить право таким образом, чтобы его термины имели одинаковое содержание во всех законах. Титаническая задача! При этом разное значение терминов — самый очевидный случай нарушения законов логики, а многие иные логические противоречия скрыты гораздо глубже и выявляются лишь в процессе многократного применения конкретной нормы, когда она просвечивается в разных бытовых ситуациях. Например, крайне трудно, если вообще возможно цифровизировать норму о злоупотреблении правом, которая носит, скажем так, резервный характер, избирательно дискриминируя определенные периодически выявляемые виды поведения. А внутреннее убеждение судьи? Разве можно его цифровизировать?

Нелогичность права — это его свойство, которое лежит на поверхности. Гораздо более важной, внутренней причиной, препятствующей цифровизации права, является, как ни странно, свободная воля человека. Жизнь многогранна и постоянно взламывает стабильные нормы, которые перестают соответствовать потребностям людей. А люди, в свою очередь, начинают их обходить, искать новые пути удовлетворения своих интересов. Жесткое принуждение следовать таким нормам начинает раздражать людей, и они начинают взывать к справедливости. Сейчас мы почти автоматически привлекаем людей к административной ответственности за нарушение правил дорожного движения, обжалование по таким делам имеет мало перспектив. Нравится ли это людям? Почитайте их отклики в социальных сетях и увидите, сколько там проблем. Ряд автомобилей вообще изъяты из сферы действия автоматизированной системы административной ответственности (например, машины спецслужб). Периодически на дорогах возникают ситуации, в которых привлечение к ответственности было бы явно несправедливым (например, авария препятствует проезду по разрешенной полосе движения и т.п.). Поэтому даже в этой сравнительно простой сфере без людей не обойтись.

С учетом сказанного невозможно полностью автоматизировать ни правотворчество, ни правоприменение. Искусственный интеллект может использоваться в этих сферах, но должен играть второстепенную роль, помогая человеку обнаружить противоречия норм права, увидеть их дублирование (избыточность) или нелогичность. Но на этом — всё! Решения о том, какие это нормы и как, в конце концов, применять их, должен принимать человек. Это не означает, что идея цифровизации права вообще не имеет смысла. Главное — не абсолютизировать ее, не становиться ее огульными пропагандистами. В юриспруденции немало сфер, в которых свободное творчество играет лишь подчиненную роль, а в основном действуют стереотипные правила поведения: регистрация большинства юридических лиц и прав на недвижимость, наложе-

ние штрафов и арестов, получение разного рода выписок, сдача налоговых деклараций и отчетов, совершение платежей, заключение простых договоров. В этих сферах прежде всего и будет происходить цифровизация.

Но там и сейчас довольно часто обходятся без юристов, так что к безработице среди них это вряд ли приведет. Первыми жертвами искусственного интеллекта станут как раз многие специалисты в компьютерной сфере, которая гораздо более логична, чем право. Так, в банках юристы и сейчас не проверяют конкретные платежи, да и не читают заново разработанные однажды типовые договоры, поэтому о массовых сокращениях юристов могут мечтать лишь те, кто ставит своей задачей снижение издержек любой ценой. Но даже они понимают, что такое бездумное сокращение издержек приведет к их лавинообразному росту в другом сегменте деятельности (невозврат кредитов, уход клиентов в другие банки). Не нужно думать, что нынешнее привилегированное положение банков, когда они специально освобождены от ответственности перед клиентами за многие свои действия, будет сохраняться до бесконечности. Придет время, когда эта одиозная норма из «антиотмывочного» законодательства будет отменена и автоматизация банковской деятельности, основанная на безнаказанности при нарушении прав клиентов, закончится.

ХОЛЬГЕР ЦШАЙГЕ

генеральный директор
издательства *Infotropic
Media*

— Юридическая профессия уже начала изменяться, и данная тенденция в будущем только усилится. Мы станем свидетелями превращения профессии юриста из ремесла в бизнес. Большинство юристов — особенно в сфере консалтинга — считают, что уже давно ведут свою деятельность как настоящий бизнес. Но это не так: их бизнес-модель просто не располагает к этому.

Юристы должны оптимизировать свои процессы. Это требование основного потребителя юридических услуг — бизнеса. А в XXI в. оптимизация процессов без применения современных технологий невозможна. Следовательно, работа юристов станет более технологичной. Часть функций, которые сегодня выполняет человек, в обозримом будущем будет выполнять алгоритм. Это избавит юристов от рутинной работы, существенно сократит расходы на юридические услуги и исключит свойственные человеку ошибки. В рамках отдельных процессов, например анализа документов, применение алгоритмов (грубо говоря, искусственного интеллекта) может сократить временные затраты на 90%. А при основной — почасовой — модели оплаты труда юристов время действительно деньги.

Автоматизировать в работе юриста можно довольно много: от создания и управления документами до их машинного анализа, от управления знаниями до ответа на конкретные, часто повторяющиеся вопросы, от отдельных процессов до полной автоматизации деятельности юридической фирмы или департамента. Технологии позволяют не только анализировать прошлое и настоящее, но и определять будущее. На основе предиктивного анализа больших данных юристы могут, например, строить свои стратегии ведения конкретного дела или вообще принять решение разрешить спор в досудебном порядке.

Тема «Применение искусственного интеллекта в работе юриста» сейчас находится на вершине «цикла хайпа». До появления настоящего искусственного интеллекта, сравнимого с человеческим, нам жить еще несколько десятилетий. Но решения из области когнитивного интеллекта, с применением машинного обучения, уже сегодня в состоянии справиться со многими рутинными задачами юристов более эффективно, чем человек. Когда речь заходит о замене судьи или нормотворца алгоритмом, дискуссия превращается в почти религиозный спор. Одни категорически отрицают возможность принятия судебного решения машиной, другие с удовольствием доверили бы такое решение искусственному интеллекту, считая его беспристрастным и справедливым. Несмотря на то, что машина не может быть справедливой по определению.

Но суть не столько в вопросах этики и морали, сколько в практической задаче разгрузки судебной системы. Решения по огромному количеству судебных споров могли быть приняты без участия человека. Это сделало бы отправление правосудия быстрее и доступнее для многих граждан и компаний.

Что касается применения искусственного интеллекта в процессе нормотворчества, то полагаться на него как на универсальное средство избавления от всех проблем не стоит. Безусловно, технологии могут помочь сделать процесс более эффективным и прозрачным. Но главное — не технологии, а организация самого процесса нормотворчества и политическая воля. Электронные справочные системы прекрасно работают во многих государствах мира уже 20–30 лет, а, например, налоговое законодательство как было непонятным везде, так и осталось.

АНТОН ПРОНИН

директор центра
юридических технологий
Фонда «Сколково»

— Все чаще в прессе мелькают новости о замене юристов роботами или замещении судей и адвокатов искусственным интеллектом. Но спешить с прогнозами рано, так как инновационные технологии внедряются ради повышения эффективности, а не ради замещения людей. Если в процессе замещения кто-то лишился работы, значит, его деятельность была неэффективно организована и имела потенциал к оптимизации. Это естественный этап эволюции во многих сферах.

Зона развития юридической деятельности в первую очередь находится в оптимизации рутинных задач и поиске необходимой информации из требуемых источников. Это обусловлено тем, что технологии прекрасно отработаны на других сферах и готовы ко внедрению в правовой сфере. Системы для оптимизации задач и процессов известны еще с 1980-х гг. и на сегодняшний день прекрасно показали свою эффективность. Системы для поиска информации и парсинга страниц также активно развивались в последние годы. Основная потребность — в наличии юридически значимых данных в цифровом виде. Технологии интеллектуального анализа данных (*Data Mining*) уже сейчас позволяют быстро находить необходимую информацию и делать значимые прогнозы. Поэтому одним из первых преобразований будет переквалификация младших юристов в *legal*-аналитиков, задачей которых будет умный поиск информации с помощью новейших инструментов.

Как и ранее, принятие решений на базе аналитических отчетов останется за адвокатами.

Аналогично и в судебной практике потребуются судебные аналитики, умеющие быстро ориентироваться в новейших экспертно-аналитических системах. Компьютерное «зрение» сможет точно определять эмоции подсудимого, свидетелей и тем самым облегчит работу присяжных и пресечет попытки давления, а также сговора. Преобразуется и судебная экспертиза: так как будет необходимо верифицировать информацию, полученную из цифровых источников, появятся судебные инфоэксперты, обязанные проверять достоверность источников, использованных «советником с искусственным интеллектом».

В законотворческой и регуляторной деятельности тоже произойдет ряд изменений. При написании законов Россия уже планирует использовать успешный опыт кодификации Франции. Преобразуется подход к управлению изменениями в законодательных актах: в цифровом формате будет доступна информация о версиях документов и об авторах изменений. Написание закона будет схожим с написанием кода программы.

Некоторые законы сами превратятся в программный код. С внедрением технологий автоматизации на блокчейн-платформах можно будет разрабатывать смарт-законы, или самоисполняемые законы (по аналогии со смарт-контрактами). Особенно это вероятно там, где можно точно прописать условия регистрации правонарушения и юридическую ответственность. Уже сейчас эта практика хорошо работает при автоматической выписке штрафов с камер видеофиксации.

Применение технологий искусственного интеллекта поможет найти коллизии в законах. Этот огромный пласт выявленных проблем, которые из-за ограниченности человеческих возможностей пока можно идентифицировать только на практике, потребует больших ресурсов для анализа противоречий и совершенствования законодательной базы.

В эпоху цифровизации права (*law digitalisation*) юристы получают возможность раскрыть свой творческий потенциал через создание продуктов *LegalTech*. На недавно прошедшем первом в России *LegalTech* хакатоне юристы представили ряд интересных идей для автоматизации своей деятельности. Часть юристов планируют или уже изучают языки программирования, науку о данных и другие тематики из области информационных технологий.

АНТОН СЕРГО

президент юридической фирмы «Интернет и Право», профессор Российской государственной академии интеллектуальной собственности, доктор юридических наук

— Среди современных областей человеческой деятельности правовая сфера, пожалуй, самая консервативная.

Юристы — гуманитарии по образованию, а значит, информационные технологии зачастую им чужды, а любые процессы автоматизации воспринимаются ими скептически или даже в штыки.

Однако совершенно очевидно, что в шаблонных и типовых операциях человека давно может и должен заменить компьютер. Человек нужен там, где ситуация предполагает многовариантность и обилие критериев самого разного характера, оценить которые машине пока затруднительно.

Я думаю, что уже в ближайшее время мы будем взаимодействовать с ботами при выполнении типовых операций, например оказании большинства госуслуг, подаче исков и вынесении решений по шаблонным ситуациям, где требуется анализ ограниченного количества критериев. На следующем этапе развитие искусственного интеллекта позволит привести в порядок массив нашей нормативной базы, выявить дублирующие нормы и противоречащие друг другу акты.

Мне хочется верить, что автоматизация правоприменения вернет уважение к духу и букве закона за счет тотального контроля за правонарушениями и неизбежности санкций. Зачатки этого мы видим сегодня на отдельных участках автомобильных дорог. Работа юриста сохранится до конца мирного существования человечества, но она будет более элитарна и возведена до выработки мудрых философских категорий, нуждающихся в правовом оформлении. Хорошо, если эта работа будет дистанцирована от избыточного давления экономики или политики.

ТОМАС ГАШТАЙЕР

советник Франкфуртского офиса международной юридической фирмы *Clifford Chance*, профессор Института права и финансов Университета имени Гёте

— В ближайшие 5–10 лет многие юристы будут работать так же, как и раньше, используя в своей деятельности более мощные средства и инструменты для коммуникации и проведения исследований, но особенно не углубляясь в мир технологий. Те, кто в большей степени ориентирован на применение различных ИТ-инструментов, будут рады возможности применять свои навыки в данной сфере и станут направлять разработчиков к производству новых ИТ-продуктов для тех сфер юридического бизнеса, которые более не являются приоритетными для самих юристов. Такие ориентированные на технологии юристы смогут эффективно общаться с представителями обеих групп (т.е. и с традиционными юристами, использующими свои академические знания, и с креативными разработчиками технологий), минимизируя тем самым неизбежные сложности в общении между представителями сфер права и ИТ. Третья группа специалистов, опираясь на свои навыки программирования, будет пользоваться знаниями в правовой сфере, концентрируясь при этом на технологической, а не на правовой стороне процесса. Таким образом, будет существовать выбор среди (и в пользу!) специалистов-профессионалов как в правовой, так и в ИТ-сфере. Образовательные учреждения должны это понимать и давать своим выпускникам возможность подготовиться к тому, что

ждет их в будущем. Как правило, юристы весьма консервативны, но им необходимо научиться пользоваться теми возможностями, которые вскоре им будут предоставлены. Назову некоторые из таких возможностей.

Определенное число людей считает, что коммуникация через электронную почту отнимает много времени, является небезопасной (мейлы можно перенаправлять) и уже устарела. Появились новые коммуникационные платформы, позволяющие различным сторонам подключаться и общаться. Этот метод коммуникации отличается от тех, что юристы использовали до сих пор.

Изучение однообразных документов в рамках правового анализа — это монотонная работа. Человек начинает отвлекаться, ему необходимы перерывы. Компьютеры не устают. Вместе с тем человеческий мозг может проводить ассоциации между различными фразами и положениями договора, связывать их с текстом другого договора, а также распознавать правовые понятия и анализировать их возможные юридические последствия. Компьютер сначала должен научиться анализировать документы. Некоторые машины учатся быстро. В будущем все больше задач будет выполняться компьютерами, оставляя для юристов самую сложную часть правового анализа (проверку результатов и разработку стратегий для решения выявленных вопросов).

Издатели предлагают программы, позволяющие проводить поиск нужных публикаций. Поскольку в электронной форме доступна только малая часть публикаций, такая программа даст юристам возможность не ходить в библиотеку, чтобы получить необходимую публикацию. Электронный поиск все больше становится во главу угла, так как он позволяет экономить время. Мы все еще немного отстаем в данном вопросе по сравнению, например, с платформой *IBM Watson*, которая демонстрирует хорошие результаты в медицине, но и в правовой сфере ожидается значительный прогресс.

Некоторые распространенные ИТ-решения направлены на автоматизацию документооборота. Указав определенные параметры сделки, юрист может получить весьма хороший первичный проект договора или пакета документов (доверенности, решения совета директоров и заявления для подачи в реестры). Программирование различных альтернативных опций и определение правильного уровня сложности — это вызов для юристов, вызов их опыту и знаниям. Такие инструменты могут пригодиться и клиентам для получения шаблонов контрактов для оформления отношений со своими заказчиками.

Для выпуска облигаций впервые были использованы технологии блокчейн. Консультирование клиентов по вопросам функционирования и внедрения технологий в правовой или финансовой сфере открывает новые интересные возможности для юристов. Для этого необходимо глубокое понимание правовых вопросов, связанных с использованием соответствующих технологий (например, таких как лицензирование, защита персональных данных, соглашения об аутсорсинге, соблюдение конфиденциальности).

Юристы смотрят на *LegalTech* одновременно с надеждой и осторожностью. Именно юристам предстоит решить, какую часть работы прекратить выпол-

нять самостоятельно, чтобы повысить свою эффективность, — и только после этого приступать к выбору необходимых технологий и инструментов, а не наоборот.

Клиенты все чаще настаивают на том, чтобы нанятые ими юристы работали эффективно с точки зрения затрачиваемого времени и, соответственно, стоимости услуг. При этом клиенты рассчитывают на соблюдение конфиденциальности информации и защиту данных, а это может стать преградой на пути решения задач, связанных с эффективностью. Соблюдение конфиденциальности и защита данных должны по-прежнему иметь первостепенное значение при оказании юридических услуг даже в том мире, в котором будут превалировать технологии.

АНТОН ВАШКЕВИЧ

управляющий
партнер юридической
технологической
компании «Симплоер»

— Будущее не столько за автоматизацией процессов, сколько за автоматизацией самих правоотношений. И на разных уровнях это будет проявляться по-разному:

1) законодательство.

Правовое регулирование в любом случае будет развиваться, в том числе в отношении бесшовного внедрения смарт-контрактов и смарт-законодательства, начнется переход от отчетности и пост-контроля к онлайн-мониторингу и превенции. Отдельные технологии требуют масштабного осмысления, которое в итоге будет зафиксировано в законодательстве: это, например, вопросы интеллектуальных систем и больших данных в связке с новым взглядом на персональные данные. Здесь потребуется работа не только (и во многом не столько) юристов, но и технологов, бизнеса, а также социологов и филологов.

Государственное регулирование в том или ином виде пойдет по пути автоматизации. Существенная часть норм может быть алгоритмизирована, и, когда регулирование станет машиночитаемым, снизится необходимость в его толковании. Такие нормы будут автоматически отслеживать их исполнение либо исполняться самостоятельно. Запрограммированные нормы можно будет прочесть на естественном языке с помощью браузеров.

Та часть законодательства, которая не может быть автоматизирована с приемлемым уровнем эффективности, получит метаразметку — специальный метакод, который прописывается дополнительно к тексту на естественном языке. Разметка не сделает нормы автоматическими, но упростит поиск по ним и другую работу человека.

Кроме того, получению контекста, важного для исполнения норм, во многом поспособствуют различные датчики и искусственный интеллект.

Таким образом, автоматизация права уложится в формулу «нормы в коде + контекст с помощью искусственного интеллекта + контроль человека».

Сами методики создания законодательства должны улучшиться и начать походить на проектную работу ИТ-компаний;

2) смарт-контракты в частных правоотношениях.

Бизнесу нужна автоматизация правоотношений — чтобы меньше зависеть от воли сторон, не пропускать нарушения, узнавать о нарушениях в момент их совершения. Потенциал смарт-контрактов, работающих в реальной экономике, во многом заключается в их связке с Интернетом вещей, внешними информационными системами и реестрами. Смарт-контракты могут быть как самостоятельным договорным инструментом, так и элементом более сложного набора обязательств, часть которых регулируются обычными (бумажными) документами.

Автоматизация ожидает корпоративное право и внутренние документы компании. Ограничения акционерных соглашений, уставов, внутренних актов будут напрямую влиять на операционную деятельность, не позволяя себя нарушить.

В целом фокус работы внутренних юристов изменится: они будут больше и точнее управлять рисками; вместо программ учета дел юристы будут использовать полноценное программное обеспечение по настройке правоотношений: контрактных, корпоративных, комплаенса;

3) продуктивизация консалтинга.

Открытые данные, алгоритмизация норм вместе с элементами искусственного интеллекта станут основой для продуктов совершенного другого уровня. Консультанты все в меньшей степени будут сервисными компаниями, и в большей — продуктовыми.

Компаний — инноваторов на рынке консалтинга можно ждать откуда угодно. Причем в некоторых сегментах рынка *LegalTech* в итоге могут возглавить не юрфирмы и «Большая четверка», а *Apple*, *Amazon* и *Google*. К автоматизированным решениям добавятся безупречный интерфейс и (настоящие) Большие данные;

4) профессия.

Такие изменения повлияют и на саму профессию. Примитивной работы по составлению базовых документов будет все меньше, зато потребуются юристы, понимающие технологии. Программирование станет одним из базовых навыков.

Классические юристы тоже останутся, но с гораздо более интересной работой — в конце концов, нестандартные и сложные задачи будут всегда.

РОМАН КВИТКО

директор дирекции
по правовым вопросам
ОАО «Газпром нефть»

— Юриста будет тяжело представить без ИТ-помощников: систем, обрабатывающих значительные объемы информации, автоматически анализирующих судебную практику, подбирающих возможные аргументы для усиления позиции стороны в суде и формирующих простые договорные документы.

Сейчас много сил уходит на поиск и анализ нужной информации, отслеживание изменений в законодательстве и судебной практике по различным источникам, а в будущем фокус внимания юриста должен переместиться в область управления юридическими рисками, а не просто информирования бизнеса о рисках или о том, что правильно. Юридические риски должны выявляться и исключаться в момент их возникновения, что потребует еще более активного взаимодействия с бизнесом. Превенция юридических рисков станет залогом эффективной работы юридических служб хозяйствующих субъектов.

В этом юристу и сможет помочь появление специализированных ИТ-решений. В группе «Газпром нефть», например, для управления юридическими рисками, анализа итогов и динамики судебной работы, проверок госорганов, нарушений прав на интеллектуальную собственность и т.д. внедрена разработанная нами автоматизированная система КЮРАСАО. Обмен знаниями и информацией между юридическими службами группы реализован через внутренний портал.

В целом цифровизация сделает профессию юриста более измеримой и творческой.

Но какие же функции могут быть автоматизированы? Прежде всего это рутинные, низкорисковые процессы: оформление доверенностей, договоров по типовым бизнес-операциям, а также поиск информации по стандартным алгоритмам, например, в судебной практике. Значительно ускорится обмен информацией и лучшими практиками, а также сбор статистических данных.

В наши планы входит создание простого и удобного для бизнеса договорного конструктора и конструктора доверенностей, а также специального автоматизированного сервиса по получению юридических консультаций. Также совместно с крупнейшими ИТ-компаниями мы рассматриваем возможность создания системы по подбору и анализу релевантной судебной практики на основе семантического анализа текстов процессуальных документов.

Мы рассчитываем на совершенствование электронного правосудия, в том числе в части создания общероссийской базы данных по судебным спорам и судебной практике, а также на реализацию идеи Правительства РФ о цифровизации нормотворчества и создании электронных кодексов. Это позволит оперативно выявлять противоречия между нормативными актами разных уровней и стандартизирует правоприменение.

**АЛЕКСАНДРА
НЕСТЕРЕНКО**

президент НП «ОКЮР»

— Цифровизация нормотворчества — это важное направление и логическое продолжение существующих в России тенденций по направлению *LegalTech*.

Выносимые инициативы позволят перевести на качественно иной уровень мониторинг, анализ и правоприменение. По сути, уже сейчас массивы данных обрабатываются справочно-правовыми системами: доступны сравнения редакции, комментарии и рекомендации, подаваемые системой сигналы о том, что в тексте, возможно, допущена ошибка; предлагаются подборки юридических решений и пр. Но действующие системы основаны на распознавании графических образов документов, и все решения, которые сейчас внедрены (система обеспечения законодательной деятельности парламента, Картотека арбитражных дел, судебное делопроизводство в судах общей юрисдикции и т.д.), основаны на поиске по ключевым словам и хештегам, правильная расстановка которых зависит от полноты базы знаний и компетенции обеспечивающего специалиста (например, если сотрудник не поставит нужные хештеги / перепутает их местами / поленится их поставить, то условия поиска уже будут другими, результат будет неполным или нерелевантным).

Речь идет о том, чтобы готовить все нормативно-правовые акты (НПА) сразу в машиночитаемой форме, т.е. в программном коде, чтобы не тратить время и иные ресурсы сначала на согласование многочисленных редакций в физическом виде, а затем — на оцифровку финального результата (законов и подзаконных НПА). Это большой шаг в сторону повышения качества законотворческой работы, быстрого устранения пробелов и противоречий, мониторинга и анализа нововведений.

С точки зрения правоприменения автоматизация — тоже большой плюс и для правоприменителя (например, сотрудника органа, осуществляющего контрольно-надзорную деятельность), и для вышестоящей по отношению к нему инстанции, и для поднадзорного субъекта. Развитие автоматизированных систем правовой поддержки положительно скажется в первую очередь на сроках разбирательств. Уменьшится разброс в части правоприменительной практики по субъектам РФ (такие проблемы характерны, например, для территориальных подразделений ФНС, ФАС России, Роспотребнадзора), сократятся издержки на обжалование решений, можно будет более точно оценивать риски и перспективы типовых административных и судебных разбирательств, уменьшить проявления необъективности при рассмотрении повторяемых на 90% кейсов.

Кроме того, данные изменения будут способствовать развитию *LegalTech* в бизнесе: можно будет намного эффективней использовать машиночитаемые тексты законов и судебных решений (целесообразным станет внедрение различных продуктов искусственного интеллекта для юристов и не только), так как не потребуется переводить большой массив данных из одного формата в другой и анализ будет проводиться в считанные минуты. Это большой шаг вперед для всех.

Системы искусственного интеллекта могли бы массово применяться судебной системой, особенно в части рассмотрения типовых дел. Например, взы-

скание долгов за ЖКХ или просроченных кредитов в большинстве случаев носит типовой характер, т.е. выносятся идентичные по своей сути решения на основании похожих исковых заявлений и заявлений на выдачу судебного приказа, но в различных форматах на усмотрение судьи. Имея огромный массив машиночитаемой информации, предварительные решения по однотипным делам могли бы формироваться искусственным интеллектом единообразно для всех судов. Это позволило бы сократить функции значительно перегруженных секретарей судов и дать судьям возможность работать с правовым помощником на базе искусственного интеллекта, который за секунды готовит проекты документов, оставляя конечное решение за судьей. Также система могла бы сразу нивелировать коррупционную составляющую в случаях, когда, например, отдельный судья выносит по схожим делам решения, отличные от всех остальных.

Дополнительно можно было бы избежать правовых ошибок и описок при формировании решений, поскольку система гораздо меньше подвержена ошибкам, чем человек.

АЛЕКСАНДР САВЕЛЬЕВ*

юриисконсульт
компании *IBM* (Россия/
СНГ), старший
научный сотрудник
Международной
лаборатории по *IT/*
IP праву, доцент
факультета права
Национального
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики»,
кандидат юридических
наук, магистр частного
права (РШЧП)

— Использование технологий искусственного интеллекта в различных сферах государственного управления, на мой взгляд, действительно способно улучшить существующую плачевную ситуацию с качеством разрабатываемых нормативных правовых актов. С их помощью можно как минимум устранять очевидные ляпы, которые допускают законодатели при разработке законопроектов, например непонимание разницы между Европейским судом по правам человека и Европейским судом справедливости или ссылки на заведомо нерелевантные судебные решения в пояснительных записках². Подобные случаи не только вводят всех в заблуждение, но и дискредитируют законодательную власть. Кроме того, такие технологии могут помочь системно взглянуть на существующее законодательство и тем самым не плодить новые сущности там, где в этом нет необходимости, и по максимуму использовать потенциал существующего регулирования. В условиях огромного массива существующих правовых норм и правоприменительной практики это уже не под силу отдельному специалисту. Впрочем, уровень существующих технологий не позволяет устранить такого специалиста совсем, в связи с чем корректнее говорить не столько об искусственном, сколько о дополненном интеллекте (*augmented intelligence*), как это делает компания *IBM*³. Только синергия человеческого интеллекта и компьютерных алгоритмов способна вывести процесс аналитики и принятия решений на новый уровень.

* Высказанные в комментарии суждения являются личным мнением автора и могут не совпадать с официальной позицией компании *IBM*.

² См., напр.: пояснительная записка к известному Закону о локализации персональных данных (Федеральный закон от 21.07.2014 № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях», проходивший как законопроект № 553424-6). URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/553424-6> (дата обращения: 26.11.2017).

³ *IBM Research*, Response to — Request for Information “Preparing for the Future of Artificial Intelligence” URL: <http://research.ibm.com/cognitive-computing/ostp/rfi-response.shtml> (дата обращения: 26.11.2017).

Что касается потенциала использования технологий искусственного интеллекта в судебной сфере, то он может быть достаточно большим в тех государствах, где есть недовольство качеством правосудия. Программные алгоритмы в перспективе могут быть способными выносить беспристрастные решения — в кратчайшие сроки, с минимальными издержками и без личного присутствия сторон. В то же время государство всегда заинтересовано в том, чтобы судебная система была управляемой и выносила решения, соответствующие публичным (государственным) интересам, хотя внешне это и может преподноситься как защита прав гражданина. Поэтому оно никогда не отпустит судебную систему в свободное плавание. Даже если представить, что программные алгоритмы будут выносить решения по определенным спорам от имени государства, такие алгоритмы всегда будут содержать бэкдоры и иные лазейки, позволяющие вносить изменения в их функционирование и контролировать их в ручном режиме. А кто контролирует алгоритм, тот будет контролировать и все решения, выносимые им, так что выиграть у государства дело, имеющее публичный интерес, по-прежнему можно будет только тогда, когда государству это по определенным соображениям будет выгодно. Более того, сам факт вынесения решения программным алгоритмом в таких случаях может дополнительно легитимизировать такое решение и дать государству возможность сослаться на то, что «это не мы так решили, это алгоритм». Вряд ли соответствующие алгоритмы будут прозрачными во имя обеспечения безопасности, а значит, проверить это независимой экспертизой будет никак нельзя. Так что я скептически отношусь к перспективам использования программных алгоритмов для решения споров с государством. Если они и могут принести большую пользу по сравнению с существующей системой, то при решении рутинных дел, где не замешан публичный интерес.

СЕРГЕЙ ПЕРЕВЕРЗЕВ

директор по правовым
вопросам компании
«МегаФон»

— Весь мир перешел в цифру, и в электронной форме уже накоплены огромные массивы данных. Эта тенденция касается всех областей бизнеса, хотя и в разной степени: кто-то только сейчас внедряет электронный документооборот, а кто-то уже модернизирует старый софт и выводит качественные электронные интерфейсы для клиента. Юристов можно отнести скорее к первой группе: основная часть работы по внедрению цифровых технологий, которая ныне обсуждается в юридическом сообществе, представляет собой повышение эффективности за счет внедрения систем электронного документооборота. Удобные электронные юридические решения для клиента пока можно пересчитать по пальцам.

Причина этого кроется не в отсутствии технических средств: значительная часть юридических задач достаточно алгоритмична, а потому хорошо автоматизируется. Проблема в другом: обычно юристы не верят в подобные технологии, а оттого не умеют и не хотят их применять. К такому положению дел добавляется еще и страх — страх потери исключительности. Все остальные объяснения, на мой взгляд, похожи на оправдания.

В нашей компании мы решили не искать оправданий, а двигаться вперед. Несколько лет назад мы прошли первую стадию — внедрение юридических

ERP-систем⁴. Индекс цифровизации правовой службы отслеживается нами на регулярной основе и в ноябре достиг 77%, а эффективность юристов «МегаФона» по простой формуле «*n* дел на одного юриста» была неоднократно оценена на различных конкурсах.

Теперь нам интересно другое: построение механизма постоянного улучшения нашего сервиса. Именно для этого мы пробуем продавать на внешний рынок результаты нашей автоматизации — проверенные в агрессивной среде внешнего рынка продукты, используемые в первую очередь внутри компании, должны стать лучше, быстрее, понятнее. Так как наша служба — это инхаус-подразделение, мы не вправе отвлекаться от задач нашей компании, поэтому и на рынок мы предлагаем только то, что делают применяемые внутри автоматизированные системы.

Первым таким пилотным проектом стала услуга «Анализ закупки за час». Ее смысл состоит в том, что клиент в онлайн-режиме сообщает нам номер закупки и через час получает на почту информацию, которая ему нужна. Мы старались сделать интерфейс максимально дружелюбным, в частности ограничили количество кликов до получения результата тремя.

Юристы при этом не отвлекаются на выполнение рутинных действий, нужных, например, для составления жалобы. Отныне задача юриста — управление базой данных и автоматизированной системой, анализирующей эту базу. Это новый вид работы для юриста, и он гораздо более содержателен, чем генерация однотипных жалоб.

И главное: юристу теперь все равно, какое количество жалоб поступит. Он занимается содержательной настройкой базы данных для всех кейсов и всех клиентов сразу. Поэтому вывод такого решения на рынок не отвлекает юриста от работы внутри компании.

Мы готовим еще пятнадцать продуктов со схожей моделью работы.

Обретя опыт такой новой для нас работы, могу достаточно просто ответить на заданный вопрос. Для меня он, правда, звучит немного иначе: в чем будущее юриста в цифровом мире? В творческой работе. Юристу теперь открыта прекрасная возможность исключить из своей жизни отупляющую рутинную работу и заняться содержательными вещами. В такой парадигме его основные функции будут делиться на два крупных блока. Первым из них будет проектная работа с творческой юридической аналитикой — так называемые бутиковые задачи. Вторым — разработка и внедрение «юридических машинок», т.е. настройка, модернизация тех самых цифровых решений, которые позволят не отвлекаться на рутину, работая в проектах.

По моему мнению, данный вариант развития будущего неизбежен: так живут уже многие отрасли бизнеса. Вопрос для каждого юриста состоит лишь в том, чем он решит заняться в этом новом для многих цифровом мире.

⁴ *ERP, Enterprise Resource Planning* — планирование ресурсов предприятия.

ВИТАЛИЙ КАЛЯТИН

главный юрист по интеллектуальной собственности ООО «Управляющая компания „РОСНАНО“», профессор Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, кандидат юридических наук

— Обсуждая вопрос о замене юристов искусственным интеллектом, нужно различать ближайшее будущее и среднесрочную перспективу. Безусловно, в ближайшем будущем искусственный интеллект будет все активнее использоваться в рамках юридической профессии и брать на себя стереотипную работу. Во многих компаниях используются типовые формы договора, так что подготовка конкретного варианта договора не требует особого творчества и может быть осуществлена практически механически. В то же время не думаю, что это приведет к массовому сокращению юристов, ведь и приход электронных правовых систем, существенно упростивших поиск требуемых документов, не привел к безработице среди юристов.

Но в дальнейшем искусственный интеллект может потеснить человека и в сфере выполнения обычной юридической работы, требующей достаточной квалификации. Впрочем, представляется, что человек все же сохранит значительную часть работы за собой. Есть несколько случаев, когда он будет иметь преимущество перед электронным устройством: 1) человеку, который не может сформулировать свои пожелания или задачу, будет проще договориться с человеком, тем более знающим его нужды и потребности; 2) иногда проще обеспечить конфиденциальность в отношениях с человеком, чем с электронным устройством, которое может куда-либо передавать информацию о сомнительных с точки зрения законности запросах и т.д.; 3) участие человека может требоваться для моральной корректировки применения существующих норм, подобно тому как сейчас это делает суд присяжных. Соответственно, роль человека как судьи постепенно вырастет. Можно ожидать, что со временем необходимость участия человека в принятии определенных решений будет прямо закреплена в законе. Применение каучуковых норм также потребует участия человека — по крайней мере, еще в течение длительного времени.

Наконец, пока принятие законодательства будет оставаться в руках человека, юристы позаботятся о том, чтобы оставить себе достаточно места для работы. Главное, не передавать эту функцию искусственному интеллекту.

СЕРГЕЙ БУДУЛИН

старший юрист
Roche & Duffay

— Роботы в юридической профессии могут быть очень полезны, ведь они берут на себя тупую механическую работу, на которую юристы (как и представители других профессий) так любят жаловаться!

Например, работа можно послать в районный суд, чтобы он вместо живого юриста стоял в очереди в канцелярию за копией судебного акта, а потом в очереди к судье, чтобы, дождавшись перерыва между процессами, получить подпись на этой копии. (Девушка из канцелярии будет объяснять роботам: «Если я еще и за подписями буду бегать, вы тут вообще весь день простояте!») Представляете, сколько человеко-часов при этом высвободится?

Или вот составление типовых договоров, исковых заявлений, отзывов и т.д. По нынешним временам для компиляции документа по готовым шаблонам даже искусственный интеллект не нужен, с этим справится и самый отсталый робот. Недаром Г. Греф меняет своих юристов на нейронные сети!

То же во многом касается и судебных актов. Возьмите среднестатистическое судебное решение и попробуйте оценить, какая его часть потребовала творческого участия человеческого разума. Если выкинуть описание фактов дела, позаимствованное из искового заявления, и позиций истца и ответчика, тоже позаимствованных из их документов, а также ритуальное цитирование всем известных норм закона, на которых основан иск, то в решении останутся от силы пара фраз в качестве мотивировки плюс резолютивная часть. Их пусть и пишет судья, а остальное доделает робот — и проблема перегруженности судов решена.

А если серьезно, то я, конечно, за автоматизацию юридических процессов и за искусственный интеллект. Что плохого, если за нас будут работать роботы? Ведь после того, как на смену счетам пришли бухгалтерские программы, профессия бухгалтера не исчезла. Так что и живых юристов роботы в обозримой перспективе вряд ли полностью заменят (разве что тех, что способны лишь компилировать иски из готовых блоков). Работы хватит на всех.

Правда, главная проблема российской правовой системы — вовсе не недостаток искусственного интеллекта. Скорее, уж это дефицит естественного интеллекта. Или, еще вернее, то, что носители естественного интеллекта предпочитают направлять его возможности на цели, не способствующие эффективной работе правовой системы. Например, судебная реформа 2014 г., на мой взгляд, причинила российскому правопорядку такой вред, который не смогут компенсировать и тысячи новейших роботов...